

**Х. Арендт**  
**О ПОЛИТИЧЕСКОЙ**  
**ФИЛОСОФИИ КАНТА:**  
**КУРС ЛЕКЦИЙ**

**Лекция восьмая<sup>1</sup>**

В том, что я вам прочитала из «Спора факультетов» (часть II, разделы 6 и 7), Кант ясно говорит, что он не интересовался деяниями и злодеяниями людей, создававших или разрушавших империи, делавших великим то, что прежде было малым, и малым то, что прежде было великим. Для него значимость события (*Begebenheit*) находится исключительно в глазах зрителя, во мнении наблюдателей, открыто выражающих свою точку зрения. Их реакция на событие свидетельствует о «моральном характере» человечества. Без этого сочувственного участия «смысл» происходящего был бы совершенно другим или вообще не существовал бы. Для него [происходящего] это сочувствие — то, что вселяет надежду:

...надежду, что после некоторых преобразовательных революций осуществится наконец то, что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее всемирно-гражданское состояние, как оно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода [1, с. 26].

Отсюда, однако, не следует заключать, что Кант хотя бы в самой малой степени принимал сторону революционеров будущего. В примечании к одному пассажиру в «Споре факультетов» он выражает это совершенно ясно: есть «права народа», которым не дерзнет противиться ни один правитель из страха, что против него может подняться народ; и люди сделали бы это ради одной свободы — даже если бы они были хорошо накормлены, надежно защищены, и «не имели бы ничего, что было бы помехой их благосостоянию и

---

<sup>1</sup> Продолжение, начало см.: Кантовский сборник. 2009. 1(29). С. 122–128; 2009. 2(30). С. 126–132; 2010. 1(31). С. 112–117; 2010. 2(32). С. 109–113; 2010. 3(33). С. 113–119; 2010. 4(34). С. 80–86; 2011. 1(35). С. 98–103.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy* / edited and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982 — и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie* / Herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner. Aus dem Amerikanischen von Ursula Ludz. München: R. Piper, 1985.

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

на что можно было бы пожаловаться». Человеческие права, включая право людей быть «законодателями», священны. Однако:

...это право — всего лишь идея, воплощение которой ограничено условием соответствия средств этого воплощения моральности, переступить которую народ не смеет. Оно не должно быть завоевано революционным путем, всегда несправедливым [6, с. 104].

Если бы у нас ничего, кроме этого примечания, не было, мы могли бы предположить, что Кант проявил осторожность, делая его; однако подобное предостережение повторяется в целом ряде других мест. Обратимся к трактату «К вечному миру», где позиция Канта разъясняется наилучшим образом:

А если бурей революции, вызванной дурным устройством, неправомерно было создано более законосообразное, то тогда ни в коем случае не дозволено пытаться вернуть народ к старому порядку, хотя каждый, кто использовал насилие и коварство, по праву мог быть наказан как бунтовщик [2, с. 40].

Потому что, как он в том же духе пишет в «Метафизике нравов»,

...если революция удалась и установлен новый строй, то неправомерность этого начинания и совершения революции не может освободить подданных от обязанности подчиниться в качестве добрых граждан новому порядку вещей... [3, с. 356].

Таким образом, каким бы ни было *status quo*, хорошее или плохое: восстановление никогда не легитимно. Разумеется, если:

... права народа попраны, то низложение (тирана) будет правомерным, в этом нет сомнения. Тем не менее со стороны подданных в высшей степени неправомерно именно таким способом добиваться своего права, и они не могут жаловаться на несправедливость, если потерпят поражение в этой борьбе и вследствие этого подвергнутся самым жестоким наказаниям [2, с. 51].

Что вы здесь отчетливо видите — так это столкновение одного принципа, в соответствии с которым необходимо совершать поступки, с другим принципом, в соответствии с которым выносятся суждения: Кант осуждает тот самый поступок, результаты которого он затем с удовлетворением, граничащим с энтузиазмом, одобряет. Это противоречие не является вопросом чистой теории; в 1798 году Канту еще раз довелось иметь дело с восстанием, одним из многих ирландских восстаний против «легитимной» тогда власти Абегта. По словам одного знакомого, сохранившимся в дневниковой записи Абегта, Кант считал восстание легитимным и даже выражал надежду, что Англия когда-нибудь могла бы стать республикой [7, S. 16]. Снова речь идет лишь о мнении, о суждении зрителя. И в том же духе он пишет:

Признаюсь, что мне решительно не по вкусу употребляемые порой даже и очень умными людьми выражения: известный народ (в смысле введения узаконенной свободы) не созрел для свободы; крепостные помещика для свободы еще не созрели; и далее: для свободы веры люди вообще не созрели. Но если исходить из подобных предположений, свобода никогда не наступит, ибо для нее нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе) ... однако для пользования своим разумом созревают не иначе, как в результате собственных усилий (но чтобы предпринять их, нужно быть свободным) ... Но превращать в принцип то положение, что для подчиненных им людей свобода вообще не годится ... это уже вторжение в сферу власти самого божества, которое создало человека для свободы [5, с. 205].

Причина, по которой Вы не должны участвовать в том, что вы, в случае успеха, встретили бы с одобрением, — это «трансцендентальный принцип публичности», конституирующий все политические поступки. Кант излагает

этот принцип в трактате «К вечному миру» (приложение 2), в котором он называет конфликт между действующим участником события и судящим зрителем «спором политики с моралью». Главенствующий принцип гласит:

Противоправны все относящиеся к праву других людей действия, максимы которых несовместимы с гласностью.... В самом деле, максима, которую я не могу огласить, не повредив этим в то же время моему собственному намерению, которую необходимо скрыть, чтобы она имела успех, и в которой я не могу публично признать, не вызвав этим неизбежно сопротивления всех против моего намерения, — такая максима может сопровождаться необходимым и общим, следовательно, априори усматриваемым противодействием всех против меня вследствие несправедливости, которой она угрожает каждому [2, с. 50].

Точно так же, как неправомерность деспотизма обнаруживается в том, что «еще ни один властитель не осмелился открыто заявить, что он не признает никакого права народа по отношению к себе» [6, с. 104], «неправомерность восстания обнаруживается ... благодаря тому, что публичное признание ее сделало бы невозможной его собственную цель. По необходимости ее следовало бы скрывать» [2, с. 51]. Так, например, «максима государственной дипломатии, объявленная публично, необходимо вредит ... ее собственной цели» [2, с. 53]. С другой стороны, народ, устанавливая новое государственное устройство, не будет «публично провозгласить в качестве максимы намерение при случае восстать», так как при этом условии «такое установление было бы невозможным; между тем оно было целью народа» [2, с. 51].

Два главных аргумента против этого соображения упоминаются самим Кантом. Во-первых, принцип «только негативен, то есть служит лишь для того, чтобы распознать с его помощью неправомерность по отношению к другим» [2, с. 50], и мы не можем заключить обратное, «что максимы, совместимые с гласностью, тем самым справедливы» [2, с. 54]. Другими словами: мнение также может быть ложным, особенно если это не беспристрастное мнение зрителя, а пристрастное, некритическое мнение заинтересованного гражданина. Во-вторых, аналогия между повелевающим и повелеваемым ложная: «ведь если глава сознает, что он обладает неодолимой верховной властью... то ему нечего опасаться повредить собственной цели обнародованием своей максимы» [2, с. 51–52]. Кант предлагает поэтому «трансцендентальный и положительный принцип»:

Все максимы, которым необходима гласность (чтобы достичь своей цели), согласуются и с правом, и с политикой [2, с. 55].

Это решение «спора политики и морали» происходит из моральной философии Канта, в которой человек как отдельно взятый индивидуум, не руководствуясь ничем иным, кроме собственного разума, находит максиму, не противоречащую самой себе, из которой он затем может вывести императив. Публичность всегда является критерием правильности в его моральной философии. Например: «Каждый рассматривает моральный закон как таковой, который он публично может декларировать, но каждый рассматривает свои максимы как таковые, которые должны остаться скрытыми» («Jeder sieht das moralische Gesetz als ein solches an, welches er öffentlich deklarieren kann, aber jeder sieht seine Maximen als solche an, die verborgen werden müssen») [8, S. 52]. Частные максимы должны быть подвержены проверке, в результате которой выясняется, можно ли их объявить публично. Моральность является здесь совпадением частного и публичного. Настаивать на частности максимы означает быть злым. Быть злым характеризуется поэтому уходом из сферы публичного. Моральность означает способ-

ность быть увиденным, причем не только людьми, но и в пределе Богом, всезнающим «сердцебедом» (*der Herzenskundige*).

Человек, поскольку он вообще что-либо делает, устанавливает закон; он — законодатель. Но человек может быть законодателем лишь в том случае, если он сам свободен; имеет ли силу одна и та же максима как для свободных, так и для несвободных — вопрос открытый. И даже если Вы согласитесь с решением Канта, как оно здесь изложено, то предварительным условием является, очевидно, «свобода пера», то есть существование публично-го пространства, если не для поступка, то, как минимум, для мнения. Ликвидация свободы мнения является для Канта сигналом к восстанию. Не поднять в этот момент восстание означает неготовность ответить на старый макиавелевский аргумент против моральности: если ты не противостояшь злу, то злодеи будут делать все что им угодно. Хотя это правда, что, противостоя злу, Вы, вероятно, будете вовлечены в него, Ваша забота о мире имеет в политике приоритет по отношению к Вашей заботе о самих себе — является ли она заботой о теле или о душе. (Маккиавелевское «Я люблю мой родной город больше, чем свою душу» — лишь вариант: «Я люблю мир и его будущее больше, чем свою жизнь или себя самого».)

В действительности у Канта есть два допущения, позволяющие ему без труда выйти из противоречия. Осознание одного из них присутствует в полемике Канта с Моисеем Мендельсоном, который отрицал лессинговский «прогресс человечества как целого». Кант приводит слова Мендельсона:

Человек идет вперед; но человечество постоянно движется то вверх, то вниз в установленных пределах; однако, рассматриваемое в целом, оно во все периоды сохраняет приблизительно одну и ту же ступень нравственности, одну и ту же меру религиозности и безрелигиозности, добродетели и порока, счастья и несчастья» [4, с. 198]<sup>2</sup>.

Кант отвечает на это, что без допущения прогресса все не имело бы никакого смысла; прогресс может быть приостановлен, но никогда не может быть прерван окончательно. Он обращается к «врожденному долгу», тому самому аргументу, к которому он прибегает в «Критике практического разума»: врожденный голос говорит: «ты должен», и было бы противоречием допустить, что я не могу, когда мой собственный разум говорит, что я должен ("ultra posse nemo obligator", что выходит за пределы возможного, то никого не обязывает) [2, с. 37]. Долг, к которому апеллируют в этом случае, заключается в том, чтобы «так воздействовать на потомство, чтобы оно становилось все лучше» [4, с. 199] (то есть прогресс должен быть возможен), и Кант утверждает, что без этого допущения, без этой надежды на лучшие времена вообще не возможен ни один поступок; ведь лишь одна эта надежда оказывала влияние на «благомыслящих людей» — «чем-то содействовать общему благу» [4, с. 200]. Что ж, сегодня мы знаем, что можем датировать идею прогресса, и мы знаем, что люди всегда, то есть задолго до того, как эта идея возникла, совершали поступки.

Второе и еще более важное допущение, принимаемое Кантом, касается природы зла. Макиавелли допускает, что зло будет беспрепятственно распространяться, если люди не смогут противостоять ему, хотя бы и рискуя самим совершить зло. В противоположность Макиавелли и некоторым образом в согласии с традицией Кант полагает, что зло по своей природе саморазрушительно:

---

<sup>2</sup> Цит. по Канту. Работа М. Мендельсона, о которой идет речь, называется «Иерусалим, или О религиозной власти и еврействе» (*Jerusalem, oder über die religiöse Macht und Judentum*. Berlin, 1783.S. 198). — Прим. пер.

И хотя в обычных условиях не в природе человека (курсив Х. Арендт) произвольно ослаблять свою власть, тем не менее в угрожающих обстоятельствах это не невозможно; поэтому нельзя считать, что выражение ожидать необходимого для этого условий от Провидения (иногда Кант говорит «природа». — Х. А.) не соответствует моральным желаниям и надеждам людей (при сознании своего бессилия); благодаря Провидению будет достигнута цель всего человеческого рода (курсив Х. Арендт) для осуществления его конечного назначения свободным применением его сил, насколько их хватит, — это будет такой исход, которому прямо противодействуют цели людей (курсив Х. Арендт), рассматриваемых отдельно друг от друга. В самом деле, именно противодействие наклонностей друг другу, из которых возникает злое, предоставляет разуму свободную игру, при которой он все эти наклонности подчиняет себе и вместо злого, само себя разрушающего, делает господствующим доброе, которое, если уж оно есть, в дальнейшем поддерживается само собой [4, с. 203].

И снова точка зрения зрителя оказывается решающей. Взгляните на историю как на целое! Что за зрелище представляло бы оно без допущения прогресса? Альтернативами для Канта являются либо регресс, способный привести нас в отчаяние, либо вечное одиночество, способное довести нас до смерти. Следующий пассаж я цитирую, чтобы еще раз подчеркнуть значение зрителя:

Если достойно божественного взора лицемерие добродетельного человека, который борется с невзгодами и с искушениями злого и все же может устоять перед ними, то в высшей степени недостойно взора не то что божества, а даже самого обыкновенного, но благомыслящего человека лицемерие рода человеческого, с каждым новым периодом идущего все выше по пути добродетели и тотчас же после этого вновь низко опускающегося к порокам и несчастью. Одно мгновение наблюдать за этой трагедией, быть может, трогательно и поучительно, но занавес должен в конце концов упасть. Ведь если трагедия затягивается, она превращается в фарс; и хотя бы актеры и не устали, потому что они шуты, но устает зритель, которому довольно того или другого акта, чтобы с полным основанием заключить, что эта никогда не оканчивающаяся пьеса есть вечное повторение одного и того же [4, с. 198–199].

### Список литературы

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 8. М., 1994.
2. Кант И. К вечному миру // Там же. Т. 7.
3. Кант И. Метафизика нравов // Там же. Т. 6.
4. Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Там же. Т. 8.
5. Кант И. Религия в пределах только разума // Там же. Т. 6.
6. Кант И. Спор факультетов // Там же. Т. 7.
7. Borries Kurt. Kant als Politiker: Zur Staats- und Gesellschaftslehre des Kritizismus. Leipzig, 1928.
8. Eine Vorlesung Kants über Ethik, im Auftrage der Kant-Gesellschaft hrsgg. von Paul Menzer. Berlin, 1924.

Перевод с англ. А. Н. Саликова

### О переводчике

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: salikov123@mail.ru

### About translator

Dr. Alexei Salikov, deputy director of Kant Institute, IKBFU, e-mail: salikov123@mail.ru